

В воздухе повисла мертвая тишина.

Спустя долгую паузу Сюй Цыань процедил сквозь зубы, разделяя каждое слово:

— Гун Цзиньюй, тебе лучше прямо сейчас все мне объяснить.

Гун Чэнь слегка повернул голову. Со стороны казалось, будто он собирается нежно прижаться губами к щеке Сюй Цыаня.

«Поговорим об этом после свадьбы»

— Нет, ты сейчас же...

Договорить Сюй Цыань не успел — духовная связь оборвалась. Гун Чэнь убрал руку, в одностороннем порядке разорвав ментальный контакт.

Сюй Цыань глубоко вдохнул, его губы мелко дрожали от подступающего гнева.

— Слезь с меня.

Не «убирайся прочь». Значит, злился он не так уж сильно.

Гун Чэнь поднялся на ноги. Свадебные одежды мягко скользнули по полу, и в то же мгновение его облик начал стремительно меняться: он стал выше, а плечи заметно раздались вширь. Если бы праздничный наряд не шили намеренно просторным и длинным — в знак пожелания долгой и сытой совместной жизни, — ткань лопнула бы по швам прямо на нем.

Сопровождающий их призрачный распорядитель как раз собирался вежливо напомнить новобрачному, что покидать носилки нежелательно, а если уж приспичило, то не дольше чем на минуту. Но стоило ему открыть рот, как «невеста» на глазах вытянулась, став на целую голову выше жениха.

У бедного призрака перехватило дыхание.

— Это... да как же это... — заикался он, не в силах вымолвить и пары членораздельных слов.

Прежде чем распорядитель успел прийти в себя, новоявленный великан-невеста наклонился и уверенным, легким движением подхватил жениха на руки.

Шлеп! Шлеп!

Глаза распорядителя полезли на лоб с такой силой, что обе его фальшивые глазницы выскочили из черепа и покатались по земле, затерявшись в толпе любопытных зевак.

— Мои глаза! Куда делись мои глаза?! — истошно завопил он. — Помогите, найдите их!

— Ой, да кто меня за ногу хватает?!

— На что это я наступил?

— Перестаньте толкаться!

Позади клубились бесчисленные призрачные тени, раздавался невообразимый гвалт. Не обращая внимания на суматоху, Гун Чэнь опустил голову и сквозь плотные слои красного шелка устремил пристальный, глубокий взор на Сюй Цыаня.

Сюй Цыань мертвой хваткой вцепился в его воротник. От столь унижительного положения у него едва не потемнело в глазах. С каким это выражением на него смотрит этот паршивец? Как он только смеет...

Однако дерзости Гун Чэню было не занимать. Опасаясь, что шисюн прикажет немедленно отпустить его, он быстрым, точным движением заблокировал его точку немоты.

Игнорируя испепеляющий, полный жажды убийства взгляд Сюй Цыаня, Гун Чэнь лишь крепче прижал его к себе и размеренно зашагал вперед.

Сюй Цыань не то чтобы не хотел вырваться. Во-первых, внезапно взбунтовавшаяся внутри иньская миазма причиняла ему жуткий дискомфорт. Во-вторых, Гун Чэнь, способный поглощать темную силу Царства призраков, уже восстановил мощь почти полностью. Если не биться не на жизнь, а на смерть, разомкнуть эти стальные объятия сейчас было попросту невозможно.

Биться насмерть...

Сюй Цыань прикрыл глаза, его длинные ресницы дрогнули. Он ведь сам приложил нечеловеческие усилия, буквально вырвав этого упряма из рук смерти. Что толку теперь враждовать?

К тому же он действительно безумно устал. Хотя бы на мгновение... ему хотелось просто перевести дух.

Пальцы Сюй Цыаня наконец бессильно разжались. С тихим вздохом он послушно устроился на широкой груди Гун Чэня. В конце концов, эти объятия вовсе не были ему противны.

Гун Чэнь почувствовал, как напряженное тело в его руках постепенно расслабилось, а вскоре его шисюн и вовсе уснул. Дыхание Сюй Цыаня стало ровным и легким, хотя на его лице даже во сне залегла хмурая складка.

В тот день по Царству призраков разнеслась очередная удивительная весть: на свадьбе приемного наследника Западного флигеля невеста проявила невиданную страсть и, подхватив суженого на руки, пронесла его через весь Призрачный рынок.

Ярко-красный ковер расстилался прямо перед ними, оглашая окрестности залиvistым ревом труб и пронзительным визгом соны. Повсюду раздавался жуткий смех и стоны обитателей загробного мира — свадьба гуляла на славу.

Князь Яоцзэ, которого слуги притащили поглазеть на зрелище, не пробыл там и четверти часа, как смазливая девица из соседнего кабака бесцеремонно утащила его обратно пить вино. Он ковылял прочь, утирая горькие слезы:

— Если бы я тогда не сгинул... если бы остался жив, то сегодня женился бы на матери Цыаня! Это я должен был...

— Полно вам, господин, полно, — увещевал его слуга. — Вы в Царстве призраков уже семерых или восьмерых жен завели, пора бы и честь знать.

— Погоди, а где они все, кстати?

— Так вы позабыли? Ваши супруги еще три дня назад гурьбой отправились развлекаться в Восточный сад.

— Ах, какая горькая у меня доля!

— Ну-ну, не плачьте...

Стоило князю Яоцзэ скрыться из виду, как местная призрачная ребятня осмелела. Детишки то и дело подбегали сзади, пытаясь наступить на длинный подол платья невесты. Гун Чэнь не обращал на них никакого внимания, но стоило кому-то из них хотя бы потянуться к спящему жениху, как неведомая невидимая сила безжалостно отбрасывала наглеца в сторону.

— Невеста никому не дает трогать жениха!

— Какая злая!

— Ух, собственница!

Столетний персиковый демон — само воплощение зависти — решил подгадить влюбленным. Он разразился таким оглушительным чихом, что все персиковые деревья в радиусе десяти ли мгновенно пожухли. Однако на праздник заглянул и тысячелетний дух цветов феникса. Хмыкнув, он щелкнул пальцами, и в то же мгновение улицы города запестрели багровым, точно объатым пламенем, цветением.

Осыпав новобрачных лепестками, дух с задорным смехом опустился перед ними и шутливо заправил один из ярких бутонов за ухо спящему Сюй Цыаню, после чего растаял в воздухе.

По дороге Сюй Цыань ненадолго проснулся. Спустившись на землю, он съел пиалу горячей лапши. Гун Чэнь молча сидел рядом, аккуратно отправляя в рот кусочки кунжутной лепешки прямо из-под плотного красного покрывала.

Доев, Сюй Цыань как-то совсем естественно склонил голову на плечо Гун Чэня и снова мирно закрыл глаза.

Гун Чэнь слегка сжал губы. Достав чистый платок, он осторожно коснулся лица Сюй Цыаня, наощупь отыскал уголок его рта и бережно стер каплю бульона.

Его шисюн... впервые в жизни вел себя так кротко.

Гун Чэнь вовсе не желал опозорить или задеть Сюй Цыаня. Просто при одной лишь мысли о том, что его дорогой шисюн едва не обвенчался с кем-то другим, его охватывала такая паника, что он терял над собой контроль.

Спрятав платок, Гун Чэнь позволил Сюй Цыаню поудобнее устроиться на своем плече и в таком положении донес его до самого Ведомства призрачных браков.

Сюй Цыань так толком и не протрезвел ото сна. Он застыл у дверей ведомства с таким ледяным и хмурым лицом, будто явился сюда не праздновать свадьбу, а лично закапывать безвременно почившего супруга.

Призрачный распорядитель, преданный своему делу до мозга костей, даже лишившись одного глаза, продолжал усердно нести службу. Воззрившись на молодых уцелевшим оком, он прочистил горло и нараспев провозгласил:

— Скиньте алый шелк скорей! С уст сорвите поцелуй!

По правилам приличия полагалось петь «пусть хмель бушует в сердцах», однако в этом гнезде порока и разврата благородных мужей отродясь не водилось. Местные негодяи намеренно исковеркали старинные свадебные стихи ради забавы, установив пошлый обычай: снимать покрывало невесты исключительно губами.

Сюй Цыань лениво приподнял веки, разглядывая «невесту».

Ярко-красный шелк наряда струился подобно закатным облакам. Из-под его пышных рукавов показались бледные, изящные пальцы. Маленький карманный призрак подлетел ближе, нежно ткнулся в кончик пальца Гун Чэня и с довольным писком устроился на его ладони.

Сюй Цыань тихо хмыкнул и легким щелчком отправил назойливого духа в полет. Покрывало невесты дрогнуло, словно Гун Чэнь тихо рассмеялся, и, улучив момент, он крепко переплел свои пальцы с пальцами Сюй Цыаня.

— Тяни!

— Снимай давай!

— Целуй! — заулюлюкали призраки в толпе.

Сюй Цыань решил отделаться малой кровью. Подавшись вперед, он нехотя прикусил самый край красной ткани. Но стоило ему потянуть на себя... как покрывало даже не шелохнулось.

Он попытался снова — безрезультатно. Сюй Цыань разжал зубы и, прищурившись, вгляделся в шелк. Чуть ниже центра ткань заметно натянулась, уходя внутрь.

Все встало на свои места. Дело было вовсе не в его неловкости: хозяин наряда сам мертвой хваткой вцепился зубами в покрывало с обратной стороны.

Гун Чэнь под тонким шелком стиснул челюсти до хруста. Шутки шутками, но если катание на руках еще можно было списать на небывалую силу невесты, то разоблачение грозило обернуться катастрофой. Стоит стянуть эту ткань, как «первая красавица Западного флигеля» превратится в здорового мужчину. Такого потрясения местная публика точно не переживет.

— Ну и недотепа же у нас жених!

— Да просунь ты туда язык, заигрывай с ней понаглее, она сама рот и откроет! — подначивали беснующиеся духи.

Гун Чэнь мысленно взмолился: «Заткнитесь уже, не то я вам прямо сейчас явлю истинный лик этой "невесты"».

Внезапно крики вокруг действительно поутихли. Через долю секунды горячая ладонь легла на его щеку прямо сквозь плотный шелк.

Сердце Гун Чэня пропустило удар.

В следующий миг его губы бесцеремонно накрыли чужие. Нечто невероятно мягкое и влажное властно коснулось его зубов, пытаясь проникнуть глубже.

Гун Чэня словно током прошибло. Он попытался упереться руками в чужие плечи и отстраниться, но Сюй Цыань крепко обхватил его за шею, не давая сдвинуться ни на цунь.

Впрочем, это вряд ли можно было назвать поцелуем страсти — Сюй Цыань просто вознамерился во что бы то ни стало отобрать у него злополучный кусок ткани. И виной тому были идиотские советы улюлюкающей толпы.

У Гун Чэня в голове воцарилась звенящая пустота. Алый шелк между их губами сминался, терся, натягивался и растягивался, пока окончательно не намок и не потемнел.

Наконец скользкая ткань выскользнула из зубов Гун Чэня и, скользя по щеке Сюй Цыаня, плавно опустилась на пол.

Сюй Цыань отстранился, вытер рот рукавом и замер в недоумении. На лице Гун Чэня красовалось... точно такое же красное покрывало.

Он перевел недоуменный взгляд на распорядителя.

Распорядитель довольно захихикал, потирая руки:

— В этом и кроется секрет свадебного убранства нашего ведомства! С виду покрывало кажется тонким, но на самом деле в нем ровно десять слоев! Разве не чудесно? Разве не прелестно?

— Чудесно! Прелестно! — взревела толпа нечисти, жаждущая продолжения зрелища.

— Срывай все десять!

— Десять раз! Срывай!

Сюй Цыань медленно, глубоко вздохнул.

Десять слоев?

Маловато будет. Сейчас он тут все слои сдует разом.

Спустя мгновение мощная волна духовной энергии сокрушительным вихрем разметала наседавших призраков в разные стороны. Десятки воющих сущностей взмыли в воздух, точно шелуха, летящая из сита.

— Караул! Жених призраков бьет!

— Спасите!

— Десять слоев — это же к великому счастью! Чего этот сумасшедший так взъярился?!

— А-а-а-а-а!

Понимая, что дело принимает скверный оборот, распорядитель торопливо впихнул вываливающийся глаз обратно в глазницу и истошно завопил на всю площадь:

— Да шут с ним, с этим покрывалом! Скорее! Несите их прямо в брачные покои!

Сюй Цыань уже приготовился устроить здесь кровавую баню, но в этот момент Гун Чэнь крепко обхватил его сзади. Небо над их головами потемнело: бесчисленные карманные призраки, сжимая в крошечных лапках лепестки, устремились вниз. Настоящий ураган из цветов и призрачного тумана подхватил новобрачных и увлек высоко в облака.

Взбешенный Сюй Цыань резким усилием пробил заблокированную акупунктурную точку и тут же набросился на Гун Чэня:

— Ах ты паршивец! Ты ведь нарочно не давал мне...

Договорить он не успел. Мощный порыв ветра сорвал с лица Гун Чэня все оставшиеся слои шелка.

Сюй Цыань осекся на полуслове, во все глаза уставившись на открывшееся лицо.

Гун Чэнь, густо покраснев от смущения, попытался закрыться руками. Однако Сюй Цыань среагировал мгновенно: он перехватил его тонкие запястья, не давая спрятаться, и впился взглядом в свежую, глубокую ссадину на его щеке.

— Откуда это у тебя? — нахмурился он.

Гун Чэнь лишь угрюмо отвел глаза, сгорая от стыда.

— Цин Ся, покажись, — недовольно потребовал Сюй Цыань.

Дух меча не стал материализоваться, как делал обычно, а лишь подал тихий голос из ножен:

— Молодой господин Гун по дороге сюда немного... оступился.

— Оступился? И заработал такую рану?

— Дело было так, — со вздохом пояснил Цин Ся. — Когда я отыскал господина Гуна, он как раз карабкался на вершину Тигриной горы, срезая путь. Я сообщил ему, что вы сочетаетесь браком. Услышав это, он кубарем покатился с самого пика. Так сюда и добрался.

Сюй Цыань на мгновение лишился дара речи.

— А почему ты сам не показываешься?

— Ох, — смущенно отозвался Цин Ся. — Дальше ведь по плану самое интересное начнется. Не хочу мешать.

И как раз вовремя — полет завершился.

Хм. Так называемые «небесные брачные покои» на деле оказались вовсе не такими предосудительными, какими могли показаться на первый взгляд.

Конструкция напоминала исполинский фонарь Кунмина, разделенный на два яруса. Внизу ровным багровым светом горело призрачное пламя, а верхняя площадка была скрыта за полупрозрачными занавесями из легкой кисеи. Посреди нее возвышалось огромное ложе, усыпанное лепестками цветов, а вокруг тускло мерцали синие свечи.

Если не считать того, что все это находилось под открытым небом, место мало чем отличалось от обычных покоев новобрачных.

Да черта с два.

Повсюду сквозила чудовищная безвкусица.

Сюй Цыань с каменным выражением лица выхватил меч. Однако клинок был направлен не на ложе, а прямо в грудь Гун Чэню, который уже вовсю стягивал с себя верхнее платье невесты.

— Надень все обратно, — ледяным тоном процедил Сюй Цыань.

Гун Чэнь промолчал, проигнорировав приказ. Он небрежно отбросил в сторону алый парчовый халат, оставшись в одном лишь темно-красном нижнем одеянии, и медленно, шаг за шагом

двинулся к Сюй Цыаню.

Синие огоньки свечей дрожали в его зрачках, окрашивая бледную кожу мягким багрянцем, отчего тот казался изваянием из драгоценной яшмы. Красный цвет шел ему как никому другому — так было всегда.

Сюй Цыань смотрел на него, чувствуя, как дыхание спирает в груди, а пальцы, сжимающие рукоять меча, белеют от напряжения.

— Стой где стоишь. Гун Чэнь...

Вместо ответа Гун Чэнь резко рванулся вперед, увлекая Сюй Цыаня за собой, и они кубарем покатались на усыпанную лепестками постель.

В ту же секунду из темноты, прямо позади того места, где только что стоял Сюй Цыань, беззвучно вытянулась костлявая призрачная лапа, веющая могильным холодом. Если бы не молниеносная реакция Гун Чэня, эти когти уже сомкнулись бы на шее его шисяна.

— Гун Чэнь, ты... — Сюй Цыань приподнялся на локтях и бросил взгляд вниз.

Его лицо исказилось: полы тонкого нижнего платья Гун Чэня обгорели от пламени свечей, обнажая покрасневшую кожу. Сюй Цыань тут же потянулся распахнуть его ворот, чтобы осмотреть ожоги, но Гун Чэнь мягко перехватил его ладонь и едва заметно покачал головой.

Его беспокойство было напрасным.

Сюй Цыань на мгновение прикрыл глаза, заставляя себя успокоиться, а когда распахнул их вновь, его взгляд стал острым и холодным, точно лезвие клинка. Он медленно повернул голову к колышущимся в тени занавесам и произнес глухим, угрожающим тоном:

— А ну выметайся наружу.

<http://bllate.org/book/20729/2130867>